

Винокурова Лилия Иннокентьевна

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук

Григорьев Степан Алексеевич

кандидат исторических наук,
научный сотрудник
Института гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук

**СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ
СОВЕТСКОЙ ЯКУТИИ:
К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
КОЛЫМСКОГО РЕГИОНА [1]**

Аннотация:

Статья посвящена вопросам истории социального развития сельского населения северо-востока Якутии. Предпринят историографический обзор проблем развития арктических сельских территорий в условиях промышленного освоения в период социализма. Охарактеризованы социальные результаты государственной политики по отношению к коренному сельскому населению Колымы.

Ключевые слова:

Колыма, социальная история, Якутия, власть, общество, сельское население, аборигены Севера, традиционное хозяйство Арктики.

Vinokurova Lilia Innokentyevna

PhD in History,
Leading Research Associate,
Arctic Researches Sector,
Institute of Humanities and the North Indigenous
Nation Studies of the Russian Academy of Sciences

Grigoryev Stepan Alekseevich

PhD in History, Research Associate,
Arctic Researches Center,
Institute of Humanities and the North Indigenous
Nation Studies of
the Russian Academy of Sciences

**RURAL POPULATION OF
THE SOVIET YAKUTIA:
CONCERNING SOCIAL HISTORY OF
KOLYMA REGION [1]**

Summary:

The article discusses the issues of social history of the rural population of the North-East Yakutia. It carries out a historiographic analyses of Arctic rural territories development in the context of industrial development in the period of socialism. The authors describe the social results of the state policy regarding the indigenous rural population of Kolyma.

Keywords:

Kolyma, social history, Yakutia, government, society, rural population, indigenous people of the North, traditional economy of the Arctic.

Колыма, несмотря на отдаленность и малонаселенность, как геокультурный образ прочно зафиксирована в массовом сознании россиян. Золотоносная провинция, район экстремального выживания и бывшая зона ГУЛАГа – таковы распространенные стереотипы о регионе. Опыт изучения проблемы показал, что в целом в существующей научной литературе колымская территория Якутии освещена в контексте общих процессов социально-экономического и культурного развития Северо-Востока России. История формирования и жизнедеятельности населения в советское время рассматривалась с заметным акцентом на теме транспортно-промышленного освоения.

В настоящее время северо-восточный вектор геополитических и макроэкономических интересов страны актуализирует научный интерес к социально-политическим и культурным аспектам истории региона. Несмотря на очевидность непропорциональной изученности истории сельского населения в советский период, в историографии накоплен определенный пласт литературы, посвященной руральным аспектам истории и экономики якутской Колымы. Так, проблемы использования природных и трудовых ресурсов Севера Якутии рассмотрены в трудах З.М. Дмитриевой, М.П. Сергеевой, Г.А. Гнатюк, О.А. Лазебник, И.К. Ефимова, К.М. Игнатьева. Сведения о культуре и хозяйственной деятельности сельского населения Севера, включая рассматриваемый регион, можно извлечь из массива трудов по истории и этнографии народов Якутии, а также из краеведческих изданий, в частности М.И. Колесова, А.Г. Чикачёва и др.

Не утратило актуальности известное исследование И.А. Тарасова по социально-политической истории Якутии периода 1930-х гг., в котором охарактеризованы состояние общественных отношений в первые советские годы и начало трансформаций традиционного уклада жизни аборигенов Севера [2]. Интересные эмпирические сведения и наблюдения по развитию северного хозяйства и промыслов Якутии во второй половине XX в. содержат работы С.И. Ковлекова по истории сельского хозяйства республики. Пониманию экономических, демографических и культурных реалий в сельской Якутии эпохи социализма способствуют историко-социологические труды И.А. Аргунова.

В новейшее время активно заполнялись «белые пятна» в историографии Севера и Арктики по проблемам этнокультурной ситуации у аборигенов Якутии: прежде всего, это труды Н.Б. Вахтина, М.Н. Борисова, Ф.С. Донского, В.А. Роббек. Исследования Е.Н. Федоровой, В.Б. Игнатъевой, Г.А. Железновой, А.И. Шургиной, Т.З. Винокуровой посвящены вопросам демографического и экономического развития, изменений в социальной структуре населения Якутии, включая ее северные районы. В работах М.М. Хатылаева, С.И. Бояковой и Л.И. Винокуровой предпринято освещение истории промышленно-транспортного освоения Арктики и Севера, его воздействия на хозяйствование и природопользование сельского коренного населения с новых теоретических и методологических позиций.

Государственная политика по отношению к малочисленным народам Севера в республике рассмотрена в политологическом труде Ю.Д. Петрова. Основные этапы и тенденции сужения пространства жизнедеятельности коренного сельского населения Северной Якутии выявлены В.В. Филипповой, ею же проведены этнодемографические исследования в районах Колымы [3]. На исходе советского периода Колымский регион постепенно превращался в территорию научного международного сотрудничества, что не могло не привлечь внимание специалистов [4]. Выросшая в эпоху социализма интеллигенция трех колымских районов республики выдвинула из своих рядов лидеров «перестроечной» общественно-политической активности коренного населения [5]. В зарубежной историографии, касавшейся якутской Колымы, сельские аспекты жизнедеятельности в советское время отдельно не рассмотрены, присутствуя преимущественно как фон современного положения малочисленных народов Севера.

Как выяснилось, специальные исследования по истории Колымы как советского сельского пространства отсутствуют. На наш взгляд, это связано с тем, что немногочисленное сельское население региона рассматривалось, прежде всего, как рабочая сила, снабжающая местным продовольствием административные и промышленные центры. Также оно привлекалось в качестве проводников, сезонных, временных работников для изыскательских и эксплуатирующих транспортно-промышленных предприятий. Сельская местность и ее население бесспорно уступали по социально-экономической значимости колымским промышленным очагам, выступали в качестве подсобной, второстепенной сферы жизни.

Социальная история недавнего прошлого может быть воссоздана за счет широкого круга источников, включающих также устные и материальные свидетельства. Ранний же период советской сельской Колымы требует выявления и анализа различных документальных ресурсов. Отметим, что исследование социальных аспектов истории затруднено скудностью прямых письменных источников (особенно относящихся к первой половине XX в.), практическим отсутствием семейных или эпистолярных архивов коренных колымчан.

В 20-е гг. XX в. на Колыме преобладало сельское население (более 90 %), его доля оставалась значительной весь советский период (по данным переписи 1989 г.) [6]. Традиционный уклад жизни на Колыме подвергся радикальным преобразованиям, обусловленным постреволюционными реформами, образованием в 1922 г. Якутской АССР и стремлением новой власти трансформировать структуру расселения, организацию промыслов и административное управление.

Политические, социально-экономические задачи на северо-восточных территориях Советской России осложнялись ситуацией после гражданской войны. Большую роль при работе с населением Крайнего Севера сыграл Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК. Данный орган обладал правами руководящего государственного органа и работал в контакте с наркоматами, ведомствами и организациями, стараясь учитывать в своей деятельности региональные особенности и национальное своеобразие народов Севера.

Кризис власти, вооруженные столкновения и разрушение экономических связей негативно воздействовали на натуральное хозяйство северных этносов Якутии, оказавшихся на грани голода и вымирания. Образованный в 1924 г. Якутский комитет Севера осуществлял различные мероприятия, направленные на хозяйственный подъем и помощь народам Севера. Под его эгидой находилось 35 тыс. человек, занятых в 7009 хозяйствах и проживавших на территории в 2 млн км², что составляло 2/3 площади Якутии. Комитет Севера координировал деятельность всех политических, хозяйственных, кооперативных и культурных органов и организаций, работавших в районах расселения малочисленных народов Севера [7]. Политика государства по оказанию неотложной материально-финансовой помощи северянам оказалась достаточно успешной. В результате принятых срочных мер к концу 1925 г. на севере Якутии наметился рост поголовья оленей и добычи пушнины, что значительно улучшило положение населения.

С конца 1920-х гг. важной задачей для властей всех уровней стало проведение политики коллективизации путем объединения единоличных крестьянских хозяйств. В орбиту новой политики было втянуто и сельское население Колымского региона Якутии. Организация колхозов проходила в специфических природно-культурных условиях: не только в Колымском округе тех лет, но

и по всем северо-восточным районам Якутии сельская местность представляла собой малозаселенные и труднодоступные территории. Уполномоченные по организации колхозов отмечали отсутствие «каких-либо границ», а также сложность правовых отношений колымского социума [8].

Политика массовой коллективизации, вмешательство в традиционные земельно-правовые отношения трансформировали местные социальные структуры. С конца 1920-х по 1930-е гг. важной задачей власти было «вытеснение кулачества и частной торговли», что выражалось в перераспределении лучших промысловых участков в пользу новых коллективных хозяйств (артелей и товариществ), а также в экспроприации у зажиточной части населения охотничьих и рыболовных орудий (средств производства) в пользу бедных и неимущих жителей [9].

Сырьевое освоение Колымского региона, начавшееся в 1930-е гг., требовало скорейшего развития инфраструктуры района, развития транспортной схемы, а также обеспечения торговой и снабженческой сети, в которой важная роль отводилась местному населению. В дальнейшем строительство новых объектов промышленности способствовало товарному развитию традиционных занятий. Например, на рубеже 1940-х – 1950-х гг. благодаря деятельности Дальстроя «началась ежегодная продажа оленей, что явилось надежным источником поступления денежных средств и большим подспорьем в экономическом развитии местных колхозов... В 1953 г. колхозы “Оленевод” и “Турваургин” получали более одного миллиона рублей каждый» [10, с. 117]. Годом ранее миллионером стал верхнеколымский колхоз «Социалистическая Колыма» [11, с. 61].

Бесспорным достижением социализма в жизни коренных народов Севера стала государственная программа просвещения и образования. Несмотря на дисперсность расселения, отсутствие крупных сельских поселений советская политика позволила практически с нуля создать систему школьного образования. Это открыло доступ к образованию всех уровней. Среди учеников, с 1929 г. прошедших обучение в Ленинградском институте народов Севера, отметим уроженца Колымы Н.И. Спиридонова (Тэки Одулока) – общественного деятеля, первого представителя народов Севера в Союзе писателей СССР. У новой просветительской политики обнаружилась и другая сторона: охват обязательным образованием с массовым проживанием школьников в интернатах обернулся отходом новых поколений северян от традиций. Постепенно менялось отношение к сельской жизни, ценностям и нормам национальной культуры. Угроза этнокультурной ассимиляции усилилась во второй половине XX в., когда расширилось индустриальное освоение территорий традиционного природопользования Колымского региона.

На фоне роста количества населенных пунктов, развития транспортной и энергетической инфраструктуры в регионе уровень жизни в местах проживания коренных народов Севера оставался ниже среднереспубликанского. Несравнимым оставался и показатель качества жизни в пользу промышленных поселков. В сельских поселениях самоуправление фактически было сведено к нулю. Развитие промышленности, транспорта и строительства сопровождалось большим миграционным приростом. В результате в районах проживания малочисленных народов коренное население оказалось в меньшинстве, сузилось пространство традиционной жизнедеятельности [12].

В целом искоренение в регионе Колымы кочевничества, трансформации в укладе и образе жизни сельского коренного населения, особенно в последние десятилетия социализма, заложили истоки во многом скрытых социальных конфликтов, проявившихся позже. Поэтому необходимо сбалансированное и объективное исследование не только экономического, но и социального потенциала Колымского региона, что представляется обязательной частью всех программ стратегического развития Севера России.

Ссылки и примечания:

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Республики Саха (Якутия), проект № 15-11-14003.
2. Тарасов И.А. КПСС – организатор социалистического преобразования хозяйства малых народов Севера. Якутск, 1967.
3. Филиппова В.В.: 1) Динамика численности верхнеколымских юкагигов (1954–2013 гг.) // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 347–349; 2) Коренные малочисленные народы Севера Якутии в меняющемся пространстве жизнедеятельности. Новосибирск, 2007.
4. Сулейманов А.А. Международное научное сотрудничество в исследовании коренных народов Якутии в конце XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 1. С. 25–28.
5. Григорьев С.А. Российская политика на Севере: опыт адаптации коренных малочисленных народов Якутии в конце XX века // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 8. С. 38–45.
6. Всесоюзная перепись населения 1989 г. // Демоскоп Weekly : демографический еженедельник. 2015. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения: 16.12.2015).
7. Алексеев Е.Е. История национального вопроса в Республике Саха (Якутия) (февраль 1917 – 1941 гг.). Якутск, 1998. С. 200.
8. ГАРФ. Ф. А310. Оп. 18. Д. 31. Л. 137–142.
9. Там же. Л. 139.
10. Нижнеколымский улус: история, культура, фольклор. Якутск, 2002. С. 117.
11. Верхнеколымский улус: история, культура, фольклор. Якутск, 2002. С. 61.
12. Винокурова Л.И.: 1) Аборигенные этносы Республики Саха (Якутия) в модернизирующемся обществе // Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия): потенциал, тенденции, перспективы. Новосибирск, 2000. С. 163–188; 2) Земля как пространство повседневной жизнедеятельности аборигенов Якутии в 1960–1990 гг. // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12. С. 48–51.

References:

1. This article was prepared with the financial support of the RHF and the Republic of Sakha (Yakutia), the project № 15-11-14003.
2. Tarasov, IA 1967, *Party - the organizer of the socialist transformation of the economy of small peoples of the North*, Yakutsk.
3. Filippova, VV 2013, 'Changes in the number of Upper Yukagirs (1954-2013)', *Theory and Practice of Social Development*, no. 11, p. 347-349; Filippova, VV 2007, *Indigenous People of Yakutia in the changing area of life*, Novosibirsk.
4. Suleimanov, AA 2012, 'International scientific cooperation in the study of the indigenous peoples of Yakutia in the late twentieth century', *Humanities in Siberia*, no. 1, p. 25-28.
5. Grigoriev, SA 2010, 'Russian policy in the North: the experience of adaptation of indigenous peoples of Yakutia in the late twentieth century', *Scientific problems of humanitarian research*, no. 8, p. 38-45.
6. 'All-Union census of 1989' 2015, *Demoscope Weekly: Weekly demographic*, retrieved 16 December 2015, <http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php>.
7. Alekseev, EE 1998, *History of the national question in the Republic of Sakha (Yakutia) (February 1917 - 1941)*, Yakutsk, 200 p.
8. GARF, f. a310, op. 18, d. 31, l. 137-142.
9. GARF, f. a310, op. 18, d. 31, l. 139.
10. *Nizhnekolymskiy District: history, culture, folklore* 2002, Yakutsk, 117 p.
11. *Upper Kolyma ulus: history, culture, folklore* 2002, Yakutsk, p. 61.
12. Vinokourov, LI 2000, 'Indigenous ethnic groups of the Republic of Sakha (Yakutia) in modernizing society', *Ethnosocial development of the Republic of Sakha (Yakutia): Potential, Trends, Prospects*, Novosibirsk, p. 163-188; Vinokourov, LI 2013, 'The Earth as a space of everyday life Aboriginal Yakutia in 1960-1990', *Theory and practice of social development*, no. 12, p. 48-51.